

«НЕОБЫКНОВЕННОЕ ЛЕТО»

НА ЭКРАНЕ

Выхода на экран фильма «Необыкновенное лето» многие ожидали с нетерпением. Это было вызвано не только вполне понятным и естественным желанием узнать о судьбах героев, которых зрители видели в картине «Первые радости». Большой интерес представляло то, как справились авторы нового кинопроизведения с экранизацией второй части дилогии К. Федина, значительно более сложной, чем первая. Роман отличался большой многоплановостью, тонким лиризмом и драматической напряженностью, точностью бытовых и психологических деталей, судьбы его многочисленных и чрезвычайно разных героев были тесно связаны с большими историческими событиями, эпическое повествование о суровых днях гражданской войны сочеталось с тщательно выписанными характерами действующих лиц.

И вот фильм выпущен. Чувствуется, что авторы его — сценарист А. Каплер и режиссер В. Басов — бережно отнеслись к литературному оригиналу, постарались перенести в картину почти весь роман с обилием сюжетных линий, почти со всеми персонажами.

Может быть, кто-нибудь и хотел увидеть Кирилла более порывистым и эмоциональным. Но и тот Извеков, который показан в фильме, — всегда ровный, сдержанный, с быстрыми, но не суетливыми движениями сильного, закаленного человека, с внимательным, пристальным взглядом темных глаз, с открытой, обезоруживающей улыбкой, делающей его суровое лицо неожиданно юным, — вполне убедительный образ. По сравнению с предыдущей картиной, исполнитель Извеков молодой артист В. Коршунов стал менее суховат, более свободен в жестах и мимике. От его Кирилла остается впечатление цельности, незаурядности, моральной силы. Правда, в образе Извекова пропала одна важная особенность — стремление к знаниям, любовь к книге, интеллект много продумавшего и во многом разбирающегося человека.

Друг Кирилла Рагозин в исполнении артиста В. Емельянова подкупает в фильме обилием мелких характерных черт, из которых рисуется образ удивительно простого, чуткого и волевого революционера. Его глаза могут с колючей настороженностью оглядывать врага, пугая того сурово-ненавидящим выражением, и светиться ласковым добродушием при виде симпатичных ему людей.

Аночка (Р. Макагонова) привлекает к себе внимание с первого же появления в кадре. Вероятно, строгие знатоки романа К. Федина и найдут в ее внешности какие-то несхожие черты с Аночкой из книги, но едва ли будут спорить, что по духу это фединский образ. Обаянием юности, чистоты, непосредственности веет от всего ее облика. В ней уживаются простодушие и чуть заметная кокетливость, строгость и лукавство, шаловливость и ум.

Интересно задуманы, колоритно воплощены в картине образы Шубникова (Б. Новиков), Ипата (Г. Стриженов), Страшнова (А. Кочетков). Тонко, не «в лоб» решен образ Дибича (Ю. Яковлев), офицера, не вдруг, не сразу, но всем сердцем принявшего революцию. Естественно и трогательно проводит артистка О. Жизнева небольшую роль матери Кирилла.

Чтобы вместить многообразный материал романа в строго ограниченные рамки кинопроизведения, авторы должны были пойти на сокращения, переделки, пришлось соединять вместе отдельные сцены, переносить действие одних эпизодов в другие условия.

Некоторые из этих изменений воспринимаются как нечто органичное, так как сделаны творчески интересно и, что самое главное, в духе романа. Очень выразительна, например, первая сцена фильма — на вокзале. Здесь завязывается знакомство Дибича с Пастуховым, здесь происходит первый разговор Дибича с Извековым, здесь же Извеков встречает Рагозина. В одной сцене — и приметы времени, и завязка основных сюжетных линий, и первоначальная характеристика главных действующих лиц. Этому интересно построенному сценаристом эпизоду режиссер-постановщик В. Басов сумел придать яркую кинематографическую форму.

Вообще в режиссуре фильма чувствуется уверенность и мастерство. Прежде всего это проявляется в слитности, сыгранности актерского ансамбля, в многочисленных выразительных деталях, придающих героям картины многогранность и живность.

В фильме отчетливо ощущается стремление постановщика передать дух и атмосферу романа с помощью интересных киноприемов. Отдельные сцены сохраняют неторопливую, но эмоциональную манеру повествования Федина. Таков, например, эпизод смерти Дибича и особенно кадр с рас-

качивающейся березкой, вырывающейся из ослабевших рук раненого Дибича и словно горестно кланяющейся мертвому герою.

Как и в «Первых радостях», в «Необыкновенном лете» смелы, оригинальны и полны глубокого смысла отдельные монтажные переклады. «Нам надо бежать!» — решают Пастухов и Ася. «Уходить, надо уходить», — подхватывает в следующем кадре Мешков, и этим устанавливается сходство взглядов

Кадр из фильма «Необыкновенное лето». Кирилл — В. Коршунов, Аночка — Р. Макагонова.

совершенно различных людей, с недоверием и опаской воспринимающих революцию.

Передко для уточнения характеристики места и времени режиссер использует в кадре какую-либо интересную деталь. Не раз эпизоды начинаются с крупного плана расклеенных на улицах плакатов, театральных афиш, вывесок учреждений. Но не везде этот прием — от частного к общему — удачен в фильме. Так ли уж важно останавливать внимание зрителей то на блестящем самоваре в сцене беседы Кирилла с Рагозиным о прошлом, то на сверкающей меди труб оркестра в эпизоде открытия выставки детского рисунка, то на копытах скачущих коней?

Этот вопрос — так ли уж важно и нужно — возникает не раз во время просмотра картины. Вероятно, не стоило столь подробно рассказывать о поисках Рагозиным сынишки или уделять большое внимание второстепенным сценам, вроде починки туфельки Аночки; может быть, смелее нужно было отказаться от обилия сцен и эпизодов, а, пожалуй, и действующих лиц, чтобы иметь возможность в полный голос поговорить о том, что нам представляется главным в романе, — о борьбе за новый быт, мораль, искусство, за гуманизм истинный, социалистический.

Нельзя сказать, что авторы проходят мимо этих вопросов, но они решают их несколько поверхностно, скороговоркой. Искусству меньше всего повезло в фильме. Почти совершенно исчезли споры о новом театре, которые занимали большинство героев романа, в том числе и Кирилла, блеклыми и неглубокими оказались образы Пастухова и Цветухина; самое представление «Коварства и любви», так взволнованно и ярко описанное К. Фединым, дано сухо и информационно. Пастухов в исполнении М. Названова слишком самодоволен, спокоен, не чувствуется в нем сложного характера талантливого писателя, в муках и сомнениях ищущего правду в жизни и искусстве. Неудачен и Цветухин (В. Дружников): нет в нем взволнованности происходящими событиями, эмоциональности одаренного актера, энергии и жизнелюбия — качеств, которые привлекали в литературном прототипе, несмотря на все его недостатки.

Из-за обилия материала нам не всегда удается заглянуть в тайники души отдельных персонажей, проникнуть в их внутренний мир, объяснить те или иные поступки.

Вот образы Лизы и Ознобишина. Их отношения могли бы ярче оттенить красоту и глубину чувства Кирилла и Аночки, если бы нам было понятно до конца, что именно влечет Лизу и ее кавалера друг к другу.

В пределах материала, предоставленного драматургом, исполнители этих ролей сделали все от них зависящее. Трогает беззащитностью, нежностью, болезненностью Лиза (Т. Конюхова); аккуратен, подобострастно услужлив, успешно предупредителен Ознобишин (Г. Георгию). Но разве достаточно этой односторонней характеристики? Да и во всем ли верна она?

В кинокартине встречаются чисто информационные сцены, мало связанные друг с другом. Фильму не хватает порой широты, воздуха, ощущения того, что все происходящее с героями — частица больших исторических событий.

Фильм «Необыкновенное лето» — произведение серьезное, зрелое, но оно оставляет впечатление, что большую глубину чувств и мыслей, хотелось бы видеть еще более яркие, психологически четко обрисованные образы героев, — тогда картина была бы зрительски новыми представлениями о жизни и людях тех незабываемых времен.

И. ВЛАДИМИРЦЕВА.